

Кто в доме хозяин? — или о том, чья очередь говорить

Татьяна Ивановна Попова, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург), tipopova13@gmail.com

DOI 10.31857/S013161170008273-9

АННОТАЦИЯ: Правильное построение диалога оказывается важной задачей даже в процессе неформального общения. Коммуникативная цель может быть реализована только в определенных условиях. Наш собеседник должен правильно понять воспринятое высказывание, задача же говорящего — правильно реализовать ту модель поведения, в том числе речевого, которая актуальна в каждый данный момент общения. Так, разные социальные роли приводят нас к разной организации диалога: уместная в роли матери поучительная интонация с частым использованием императивов (*помой руки, принеси учебник*) оказывается неприемлемой в общении с коллегами на работе или с друзьями, неуверенность в выборе речевых средств при общении с начальником или командиром сменяется активностью и ведущей ролью в диалоге с друзьями.

Как же понять, *кто в доме хозяин*? Кто в данном диалоге ведущий, а кому выпала роль «подчиненного»? Какие средства в том и другом случае будут помогать выстроить общение наилучшим образом, без угрозы «социальному лицу» другого участника диалога? На все эти вопросы помогает ответить изучение спонтанной разговорной речи, построенное на анализе передачи очереди в диалоге, что отражает социальный статус участников коммуникации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: устная речь, социальная роль, симметричность/асимметричность ролей, коммуникация, речевая компетентность, диалог

для цитирования: Попова Т. И. *Кто в доме хозяин?* — или о том, чья очередь говорить // Русская речь. 2020. № 1. С. 7–20. DOI: 10.31857/S013161170008273-9.

Issues of Modern Russian Language

Who is the Boss? — or Whose Turn is it to Speak

Tatiana I. Popova, Saint Petersburg State University (Russia, S. Petersburg), tipopova13@gmail.com

ABSTRACT: Proper dialog structuring is equally important both in formal and informal communication. The communicative goal could only be reached in specific conditions. The interlocutor needs to understand the perceived statement correctly, while the speaker should choose the appropriate model of behavior and speech, which is relevant for the specific communicative situation. Different social roles lead to diversion of the dialogue: the didactic tone with frequent use of imperatives (*wash your hands, bring the textbook*), appropriate for the role of a mother, is unacceptable in communication with colleagues at work or with friends. The uncertainty in the choice if verbal means with the boss or the commander is replaced by the active and leading role in the dialogue with friends.

So, how do you know *who's boss*? Who is the leader in this dialogue, and who has a role of a subordinate? What means help to build communication in the best way in both cases, without threatening the persona of another participant in the dialogue? The study of spontaneous speech helps to answer these questions. The research is based on the analysis of taking turns in a dialogue, which reflects a social status of participants of communication

KEYWORDS: colloquial speech, social role, symmetry/asymmetry of roles, communication, speech competence, dialogue

FOR CITATION: Popova T. I. *Who is the Boss? — or Whose Turn is it to Speak*. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 1. Pp. 7–20. DOI: 10.31857/S013161170008273-9.

Каждый раз, когда мы становимся участниками коммуникации, нам приходится «примерять» на себя ту или иную роль: говорим ли мы с друзьями или с врачом, с маленькими детьми или с родителями. Наша социальная роль каждый раз порождает «ожидание» определенной манеры поведения, в том числе и речевого.

В процессе общения происходит постоянное речевое переключение, в рамках которого, как представляется, «успех общения в значительной мере зависит от того, в достаточной ли степени владеют говорящий и слушающий формами языка, пригодными для данной ситуации» [Крысин 2004: 430].

Социальная роль — это образ поведения, которого ожидают от каждого, кто занимает определенную социальную позицию; особенно важно, что этот образ поведения нормативен и одобрен обществом [Кон 1967: 23]. Образцовый характер и, можно сказать, стереотипность роли подтверждает тот факт, что она определяется с помощью уже существующих в языке обозначений: *муж, сын, клиент, пациент, друг, ученик* и др. [Крысин 2004: 427].

Наши навыки построения речевого поведения говорят о *коммуникативной компетенции*, которая означает способность не только порождать предложения, но и выбирать из них именно те, которые наиболее адекватно отражают социальные нормы поведения и отношения между говорящими. Именно социальная среда способствует приобретению речевого опыта — коммуникативных навыков. Интересно отметить: исследователи считают, что знание социальных норм пользования языком является не менее важным элементом владения им, чем знание его грамматических правил [Белл 1980: 12].

Способность говорящего ориентироваться в социальной среде и быть активным участником коммуникации позволяет успешно достигать своей цели в диалоге, а также избегать коммуникативных неудач.

Именно поэтому так важно понять, как же в процессе повседневного общения, в условиях быстрого темпа речи, который подстраивается под ритм нашей жизни, и постоянной необходимости мгновенно решать речевые задачи, диалог выстраивается довольно четко и понятно, позволяя участникам беседы не только сообщать друг другу информацию, но и достигать каждому своих коммуникативных целей (выразить просьбу, высказать недовольство, похвалить, удивиться и пр.).

Исследователи языка давно обратили внимание на такой ключевой фактор в диалоге, как *передача очереди* от одного говорящего к другому.

Это является показателем того, насколько успешно продвигается беседа, кто, собственно, ее активно продвигает, а кто лишь участвует, принимая «правила игры». Таким образом, появилось целое направление в науке о языке, которое занимается поиском ответа на вопрос, *кто в доме хозяин?*

Показалось любопытным поискать ответ на этот вопрос на особенном материале. Обращение к стихии устной речи, «не скованной традицией и нормой» [Плунгян 2005: 9], может дать, как представляется, очень интересные результаты.

В Санкт-Петербургском государственном университете уже много лет занимаются разработкой уникального корпуса русского языка повседневного общения — «Один речевой день» (ОРД). Корпусным материалом в данном случае служит речь информантов, записанная ими на диктофон в течение целого дня. В настоящее время корпус содержит более 1250 часов звучания, записанных от 128 информантов, мужчин и женщин, в возрасте от 17 до 83 лет, и около 1000 их коммуникантов [см. об ОРД подробнее: Asinovsky et al. 2009; Звуковой корпус... 2013; Богданова-Бегларян и др. 2015, 2017; Русский язык... 2016; Bogdanova-Beglarian et al. 2017].

Материалом для данного исследования стали эпизоды «речевых дней» шести информантов, общей продолжительностью звучания около пяти часов и объемом 25 563 словоупотребления.

Ключевой работой, которая легла в основу исследования, стала статья «Простейшая систематика чередования реплик в разговоре» [Сакс и др. 2015].

Исследователи обратили особое внимание на правила чередования реплик в диалоге, которое соотносится с упорядочиванием «ходов в играх, при распределении политических постов, при регулировании движения автомобилей на перекрестках, при обслуживании клиентов в бизнес-учреждениях и при произнесении высказываний в ходе интервью, собраний, дебатов, церемоний, разговоров и пр.» [Сакс и др. 2015: 143]. Таким образом, очевидно, что организация диалога отражает и социальную организацию взаимодействия людей в целом.

«Право говорить» заранее не определено, так же как не определена продолжительность разговора. Существует несколько путей передачи очереди:

- 1) текущий говорящий выбирает следующего;
- 2) следующий говорящий выбирает сам себя;
- 3) текущий говорящий продолжает удерживать очередь, если следующий решил не вступать в разговор [там же: 153].

В связи с этими правилами можно выделить несколько видов пауз в диалоге: «заминка, пауза при смене темы, значимое молчание (отказ говорить)» [Кибрик 2003: 13].

Другое понятие, важное для настоящего исследования, — *смежные пары*, то есть такие последовательности реплик, как, например, вопрос — ответ, приветствие — приветствие, приглашение — принятие приглашения и т. д., ср.:

1) **Ж1**: *голодный?*

*П¹ (603 мс)

И38: *да конечно //*

2) **Ж1**: *вот сюда? на полочку?*

*П (171 мс)

И115: *на полочку или в этот ...* *П (591 мс) *в бардачок //*

В анализируемых эпизодах представлены беседы двух говорящих, поэтому говорить о выборе следующего не приходится. Такое явление уже описывалось в лингвистической литературе, в частности в работе А. Н. Баранова и Г. Е. Крейдлина. Подобные реплики авторы называют «иллокутивно вынужденными» [Баранов, Крейдлин 1992].

Актуальным действительно становится наличие пауз, после которых в разговор вступает второй говорящий, с новой темой, что является своеобразной *точкой перехода*, ср.:

3) **И1**: *Новая Голландия была завершающим аккордом этой курсовой работы //*

*П (1355 мс)

М1: *а о чём она вообще была?*

И1: *а / пешеходная экскурсия по Коломне //*

В примере (3) довольно длительная пауза (1355 мс) может быть воспринята как тот факт, что И1 отказывается продолжать разговор и с помощью паузы-молчания передает очередь следующему.

Даже в самых близких и симметричных отношениях, в максимально неформальной обстановке, социальная роль и статус приобретают значимые особенности. Так, общаясь с бабушкой (Ж1), информант И1 выступает в роли внучки, при этом передача очереди происходит в основном в рамках смежных пар, ср.:

4) **И1**: *как дела?*

Ж1: *да ничего // какие дела? никаких дел не имею //*

И1: *слушай / а когда ты идёшь в Фёдоровский центр?*

Ж1: *девятого //*

В случаях же отношений, которые только формально можно назвать асимметричными (т. е. один из говорящих оказывается выше по статусу

¹ *П — знак паузы между репликами. В скобках после этого знака каждый раз указана длительность этой паузы в миллисекундах (мс). Об остальных знаках расшифровки материалов ОРД см.: [Asinovsky et al. 2009; Русский язык... 2016: 242–243].

в диалоге), наблюдается особое выстраивание коммуникации, ср.: клиентка Ж1, которая, как можно судить по манере общения, является еще и хорошей знакомой информанта И38, настойчиво высказывает свое мнение, часто перебивая собеседника, не дожидаясь передачи очереди. Собеседники обсуждают детали пошива гидрокостюма:

5) И38: *а это женские / леди написано // леди написано / леди //*

Ж1: *не смотрел? эти молнии не нравятся //*

И38: *и без этой самой / без молнии?*

Ж1: *Ваньке сшил с накладкой и без молнии?*

Такое же поведение можно увидеть в рамках общения командир — курсант. Курсант обращается с просьбой отпустить в увольнение вместе с ним нескольких ребят, чтобы устроить сюрприз своей девушке:

6) И15: *вас не будет?*

М1: *давайте сделаем так / не я буду тоже здесь //*

И15: *как бы такие дела //*

*П (1010 мс)

И15: *вот // я хотел ...*

М2: *но так (э-э) когда вы собираетесь все пить и так далее?*

В случае же общения информанта И38 с клиенткой-знакомой обращает на себя внимание то, что необходимость полностью перехватить право говорить сказывается на повышении тона. Тем самым И38 невербально «запрашивает» право говорить.

Стоит отметить, что особое интонационное оформление реплики одного говорящего сказывается на дальнейшем выстраивании диалога. Так, информант И19, выступая в роли матери, которая недовольна поведением или поступком дочери, говорит с особой, «воспитательной», интонацией, которая особенно актуальна в момент выполнения домашней работы по математике:

7) И19: *ну они что издеваются / яровая рожь ... что такая яровая рожь?*

8) И19: *Лизонька / ну значит читай параграф / значит где-то это должно быть / у вас сказано! я думаешь знаю? что я тебе / сельхозработник / чтобы знать сколько / в этих арах гектаров / или наоборот!*

Длина высказывания заметно увеличивается, когда И19 выступает в роли матери.

Сама ситуация, конечно, тоже влияет на возникновение долгих пауз, которые и будут показателем отказа от очереди:

9) И19: *можно я посмотрю / я так на слух не воспринимаю //*

*П (5290 мс)

И19: *Лизик // трина[дцать]... / что? можно / где?*

*П (1979 мс)

И19: *Лизонька я не вижу / можно мне п... / задание?*

*П (1571 мс)

И19: *Лизонька / найди мне пожалуйста задание //*

*П (6760 мс)

И19: *так //*

*П (1999 мс)

И19: *два // да? икс плюс икс минус... // так мы же это делали уже упражнение //*

*П (4000 мс)

И19: *мы ж решали такое!*

*П (1201 мс)

Такое же явление наблюдается в процессе обучения, комментирования задания (учитель — ученик):

10) **И123:** *запомнили это? я это говорил?*

*П (682 мс)

И123: *говорил // а если скорость меняется?*

*П (2053 мс)

И123: *давайте просто посчитаем //*

*П (1567 мс)

Стоит отметить, что собранный материал отражает особенности повседневного, зачастую бытового, общения, которое часто сопровождается какой-либо деятельностью. В таком случае закономерно ожидать, что паузы будут длиннее, а говорящие при этом не будут испытывать дискомфорта и стараться «взять слово», чтобы избежать молчания. Ведь последнее в данном случае не является сигналом сбоя коммуникации.

Ситуации, которые вынужденно требуют пауз в разговоре (человек занят чем-либо, например, решением задач), следует рассматривать отдельно.

Интересно было бы также изучить длину пауз подобного рода в зависимости от социальных отношений говорящих (симметричность/асимметричность ролей). Возможно ли, что в общении родственников, в диалогах между мужем и женой или между близкими друзьями пауза в меньшей степени вынуждает говорящих продолжать диалог «из вежливости»? И наоборот, в ситуации неблизких, официальных, отношений собеседники должны либо говорить, либо завершить разговор, чтобы не занимать время собеседника.

В остальных случаях диалог между говорящими в асимметричных социальных ролях строится в основном из смежных пар (вопрос — ответ, приветствие — прощание):

11) **Ж1:** *а ей сколько лет?*

*П (1337 мс)

И38: *ну так / помоложе нас может // ну / ну лет сорок-то есть //*

- 12) **Ж1:** *а он (э-э) местный или приезжий?*

**П (1269 мс)*

И115: *наверно местный //*

И115: *а у вас дача да / Владимир Иванович?*

М1: *а?*

**П (380 мс)*

И115: *дача?*

**П (326 мс)*

М1: *ну / участок там такой //*

Интересно, что подобным образом построен и диалог «поколений»: диалог И1, которая выступает в роли внучки (с бабушкой Ж1), сильно отличается от выстраивания ее беседы при общении с другом (М1), ср.:

- 13) **Ж1:** *а чего / они вчера грелись? или просто журчали? (о батареях и состоянии стен в квартире)*

И1: *журчали //*

**П (700 мс)*

Ж1: *да / они все холодные //*

**П (130 мс)*

И1: *ну и ладно // и хорошо / потому что тепло //*

И1: *ну я не знаю / что такое большая дырка // в таком-то вот случае //*

Ж1: *дырка же там вот такая // большая она // я не считаю / что она маленькая // вот такая дырка //*

Диалог, который разворачивается между друзьями, выстроен иначе. Становятся заметны не смежные пары, а совместное построение высказываний и смысловое дополнение друг друга, без передачи очереди, без перебивов, ср.:

- 14) **И1:** *она привозила с собой этого немца / который вот явный немец / а косил под русского Ваньку // ему там первые два дня было запрещено говорить // (смеется) потом он ...*

М1: *под дурачка косил?*

И1: *(смеется) он был / (смеется) первым парнем на деревне // там к сему / к нему все девки ... к нему все девки приставали //*

М1: *пока не проговорился //*

- 15) **И1:** *полностью отработанные ступени / с токсичным топливом / и с таким вообще ядовитым ...*

**П*

И1: *причём они наверное даже и не подозревали / что это такое на них падает //*

Интересно, что в рамках исследуемого материала только между говорящими, выступающими в симметричных социальных ролях (когда го-

ворящие равны по статусу: друзья, муж и жена, коллеги-приятели и др.), удалось обнаружить смены тем внутри диалога.

Так, в одном из эпизодов информант И115 инициирует начало шести тем, еще 12 тем инициирует его жена. И38 в роли мужа менее активен.

И1 в разговоре с бабушкой только один раз начинает новую тему, а общаясь с другом, — 13 раз, но при этом не удалось обнаружить ни одного случая, когда И1 выступала, например, в роли пациентки в кабинете зубного врача.

Еще одним способом передачи в диалоге очереди между говорящими, которые находятся в симметричных отношениях, является **смех**. По данным исследований речи как социального взаимодействия, в большинстве случаев смех не является «ответом на юмор, он в большей степени сопровождает разговор, нежели выступает реакцией на смешные высказывания. В ряде случаев смех вообще относился к иным коммуникативным стратегиям, скажем, к вежливости или поддержанию социальности» [Турчик 2010: 24].

Речь идет именно о тех случаях, когда смех является не только реакцией на шутку, но может служить моментом для начала реплики нового говорящего — точкой перехода:

16) **И38:** (начало новой темы) ну я позвонил ему // (э-э) у Саши живёт // два дня // (смеется) //

*П (1137 мс)

Ж1: я понимаю он же забрал шмотки вчера //

17) **И1:** (смеется) он был / (смеется) первым парнем на деревне // там к сему / к нему все девки ... к нему все девки приставали //

М1: пока не проговорился / да ? по-немецки // *П пока молчал //

И1: угу //

*П (200 мс)

М1: (смеется) (1380 мс)

*П (429)

И1: потом как начал ругаться с утра // (смеется)

Или для смены темы:

18) **Ж1** (жена И115): просто перед ... перед магазином желательно бы умыться (смеется) //

*П (10204)

Ж1: Ольга смотрела прогноз // говорит это вся неделя // вроде как солнышко //

Либо обозначать момент самовыбора:

19) **И38:** ей прямо в магазине стало худо //

*П (4466 мс)

Ж1: (смеется) / наши бы сказали / нет полиса (смеется) и п****й отсюда //

В примере (19) обращает на себя внимание очень долгая пауза (4466 мс), после которой начинает говорить жена информанта. Такие паузы обычно обозначают отказ от очереди. В таком случае говорящему часто приходится продолжать предыдущую тему, пока не появится возможность передать очередь либо пока собеседник сам не выберет для себя релевантное место, ср.:

20) **Ж1** (жена И115): *мы же ещё курицу по-моему покупали в начале //*

**П (840 мс)*

мы ж её готовили не готовили?

**П (391 мс)*

я эти / желудочки ещё...

**П (2247 мс)*

желудочки приготовила //

**П (2149 мс)*

посмотрю //

В следующем примере (21) обращает на себя внимание не только вынужденное удержание очереди в диалоге, но и конечное решение говорящего вернуться к предыдущей теме, чтобы возобновить коммуникацию:

21) **И38**: *у меня телефон сел //* **П (1360 мс)* *сказал что нет //*

**П (2455 мс)*

ну сел вдруг //

**П (510 мс)*

то есть не ... не вдруг конечно / то что просто мне много говорить пришлось перед этим //

**П (4890 мс)*

сел и сел // *потом я ему позвонил / он трубку не берёт //* *ну...*

**П (833 мс)*

в общем...

**П (782 мс)*

какие-то есть же со... с... собачья жизнь (э) достаточно интенсивная // — возвращение к предыдущей теме диалога.

В основном же слушающий поддерживает контакт с говорящим за счет определенных сигналов: с помощью единиц типа *да* или разговорного угу, которые сопровождают реплики говорящего, но не являются перебивом или стремлением перенять очередь. Это лишь сигнал того, что код воспринят и контакт не нарушен. Работает этот механизм вне зависимости от социальной роли, ср.:

22) **И38**: *нет / она ... она сказала повесишь на шею диктофончик //* *во-первых он на шею не вешается //*

Ж1: *угу //*

ИЗ8 выступает в роли мужа (информант комментирует особенности записи «одного речевого дня»);

23) Ж1: *вот такие штаны ... вот такие штаны / только без вот этой пурги /*

ИЗ8: *угу //*

Ж1: *с накладкой //*

ИЗ8 выступает в роли работника службы сервиса (собеседники обсуждают пошив гидрокостюма);

24) М1: *но если ... если им рапорта не подпишут / тогда я вас отпущу одного // там прорепетируете //*

И15: (перебивая) *вот //* угу //

— курсант с командиром (об увольнении).

Но от таких случаев нужно отличать реплики, которые можно называть «дежурными», что особенно часто встречается при общении мужа с женой:

25) Ж1: *у меня что-то от тёмного хлеба изжога //*

*П (3739 мс)

И115: *да?*

*П (228 мс)

Ж1: *угу //*

*П (3274 мс)

И115: *ну надо переходить на белый //*

Жена Ж1 довольно быстро реагирует на встречный вопрос, зато муж эту тему, судя по длительности паузы (3274 мс), продолжать не хотел, но был вынужден.

26) Ж1: *вот как самые там красивые собаки // да? вот эти их конкурсы / выставляют собак //*

(Ж1 и ИЗ8 говорят одновременно)

ИЗ8: *угу //*

Ж1: *на самую страшную собаку //*

*П (1883 мс)

Ж1: *ну вот // то есть ...*

*П (546 мс)

Ж1: *представляешь?*

Ж1: *то есть ...*

*П (349 мс)

ИЗ8: *ну раскрытая тема / да //*

Жена информанта ИЗ8 вынуждена держать очередь у себя, о чем говорят длительные паузы, помимо этого, она прибегает к использованию контактного глагола *представляешь*, функция которого — привлечь вни-

мание. В результате она добивается от мужа-собеседника абсолютно безучастной реакции.

Таким образом, можно отметить разнообразие способов передачи очереди в случае близких симметричных отношений между говорящими:

- 1) смежные пары: вопрос — ответ;
- 2) пауза;
- 3) смех;
- 4) маркирование окончания мысли.

В то время как в случаях асимметричных отношений: клиент — служба сервиса, учитель — ученик, командир — курсант — диалог выстраивается за счет поддержания одной ведущей темы, с использованием смежных пар. Передача очереди осуществляется с редкими перебивками, которые становятся возможны, когда говорящий с более высоким статусом в асимметричных отношениях решает не ждать точки перехода очереди.

Подобного рода исследования позволяют нам заглянуть «за кулисы» производства речи. Спонтанная речь производится на уровне автоматизма. Но если зафиксировать ее, поймать в момент ее реализации и рассмотреть с точки зрения структурной организации, то можно лучше понять, как это «работает». Такой анализ поможет нам научиться более сознательно подходить к выбору модели речевого и социального поведения, что, в свою очередь, будет способствовать повышению уровня речевой компетентности.

Литература

- Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.
- Белл Р. Т. Социолингвистика. Цели, методы и проблемы. М.: Международные отношения, 1980. 320 с.
- Богданова-Бегларян Н. В., Асиновский А. С., Блинова О. В., Маркасова Е. В., Рыко А. И., Шерстинова Т. Ю. Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / Ред. Д. Шумска, К. Озга. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 357–372.
- Богданова-Бегларян Н. В., Шерстинова Т. Ю., Блинова О. В., Мартыненко Г. Я. Корпус «Один речевой день» в исследованиях социолингвистической вариативности русской разговорной речи // Анализ разговорной русской речи (АР³-2017): Труды седьмого междисциплинарного семинара / Науч. ред. Д. А. Кочаров, П. А. Скрелин. СПб.: Политехника-принт, 2017. С. 14–20.

- Звуковой корпус* как материал для анализа русской речи: коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.
- Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2003. 90 с.
- Кон И. С. Социология личности. М.: Политиздат, 1967. 383 с.
- Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 888 с.
- Плунгян В. А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка: Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М.: Индрик, 2005. С. 6–20.
- Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / Отв. ред. Н. В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.
- Сакс Х., Джефферсон Г., Щеглофф Э. А. Простейшая систематика организации очередности в разговоре // Социологический журнал. 2015. Т. 14. № 1. С. 142–202.
- Турчик А. В. Конверсационный анализ смеха в речевом взаимодействии: случай конструирования оценок власти // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 21–36.
- Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech corpus of Russian everyday communication "One Speaker's Day": Creation principles and annotation // Matoušek V., Mautner P. (eds.). TSD 2009. LNAI, vol. 5729. Springer, Berlin-Heidelberg, 2009, pp. 250–257.
- Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G. Linguistic features and sociolinguistic variability in everyday spoken Russian // SPECOM 2017. Lecture notes in artificial intelligence, LNAI, vol. 10458. Springer, Switzerland, 2017, pp. 503–511.

References

- Asinovsky A., Bogdanova N., Rusakova M., Ryko A., Stepanova S., Sherstinova T. The ORD Speech corpus of Russian everyday communication "One Speaker's Day": Creation principles and annotation // Matoušek V., Mautner P. (eds.). TSD 2009. LNAI, vol. 5729. Springer, Berlin-Heidelberg, 2009, pp. 250–257.
- Baranov A. N., Krejdlin G. E. [Illocutionary compulsion in the dialog structure] // Voprosy yazykoznaniya. 1992. № 2, pp. 84–99. (In Russ.)
- Bell R. T. Sociolinguistika. Celi, metody i problemy [Sociolinguistics. Goals, methods and challenges]. Moscow: Mezhdunarodnye Otnoshenia Publ. 1980, 320 p.
- Bogdanova-Beglaryan N. V., Asinovskij A. S., Blinova O. V., Markasova E. V., Ryko A. I., Sherstinova T. Yu. [Speech corpus of the Russian language: a new methodology for the analysis of oral speech] // Jazyk i metod: Russkij jazyk v lingvisticheskikh issledovaniakh XXI veka. Vyp. 2 / Ed. D. Shumska, K. Ozga. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015, pp. 357–372. (In Russ.)

- Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G.* Linguistic features and socio-linguistic variability in everyday spoken Russian // *SPECOM 2017. Lecture notes in artificial intelligence, LNAI*, vol. 10458. Springer, Switzerland, 2017a, pp. 503–511. (In Russ.)
- Bogdanova-Beglaryan N. V., Sherstinova T. Yu., Blinova O. V., Martynenko G. Ya.* Korpus [Corpus “One Speech Day” in the research of sociolinguistic variability of Russian colloquial speech] // *Analiz razgovornoj russkoj rechi (AR3-2017): Trudy sed'mogo mezhdisciplinarnogo seminara* / Nauch. red. D. A. Kocharov, P. A. Skrelin. St. Petersburg: Politekhnik-Print, 2017b, pp. 14–20. (In Russ.)
- Kibrik A. A.* *Analiz diskursa v kognitivnoj perspective* [Analysis of discourse in cognitive perspective]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow, 2003. 90 p.
- Kon I. S.* *Sociologia lichnosti* [Sociology of personality]. Moscow: Politizdat Publ., 1967. 383 p.
- Krysin L. P.* Russkoe slovo, svojo i chuzhoe: Issledovania po sovremennomu russkomu jazyku i sociolingvistike [Russian word, his and someone else's: research on Modern Russian and sociolinguistics]. Moscow: Jazyki slav'anskoj kul'tury, 2004. 888 p.
- Plungyan V. A.* [Why we need a National Corpus of the Russian language: an informal introduction] // *Nacional'nyj korpus russkogo jazyka: 2003–2005*. Moscow: Indrik Publ., 2005, pp. 6–20. (In Russ.)
- Russkij jazyk povsednevnogo obshchenia: osobennosti funkcionirovania v raznykh social'nykh gruppakh* [Russian language of everyday communication: peculiarities of functioning in different social groups]. Kollektivnaja monografija / Otv. red. N. V. Bogdanova-Beglarian. St. Petersburg: LAJKA Publ., 2016. 244 p.
- Saks H., Dzhefferson G., Shchegloff E. A.* Prostejshaja sistematika organizacii ocherednosti v razgove [Simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation] // *Sociologicheskij zhurnal*, 2015, t. 14, № 1, pp. 142–202. (In Russ.)
- Turchik A. V.* Konversacionnyj analiz smekha v rechevom vzaimodejstvii: sluchaj konstruirovania ocenok vlasti [Conversational analysis of laughter in speech interaction: the case of constructing estimates of power] // *Sociologicheskij zhurnal*, 2010, № 1, pp. 21–36.
- Zvukovoj korpus kak material dl'a analiza russkoj rechi: kollektivnaja monografija*. Chast' 1. Chtenie. Pereskaz. Opisanie [Sound corpus as a material for the analysis of Russian speech: a collective monograph. Part 1. Reading. Retelling. Description] / Otv. red. N. V. Bogdanova-Beglarian. St. Petersburg: Filologicheskij f-t SPbGU, 2013. 532 p.